

Четвертый Чехов

Балдин А.

О чем могут рассказать фотографии писателя, разложенные в простой хронологической последовательности. Ближится большой юбилей Чехова: в 2010 году исполнится 150 лет со дня его рождения. Готовятся выставки и конференции, юбилейные издания и проекты — исследование творчества Чехова продолжается. Предстоит еще одна круглая дата: в 1890 году писатель совершил поездку на Сахалин. Это его путешествие, как будто хорошо известное, оставило множество вопросов, которые по сей день обсуждают историки и литературоведы. Чехов-путешественник мало известен. Если задуматься, нам привычен один образ писателя Чехова, за которым остаются скрыты другие его ипостаси, «другие Чеховы», с которыми, хочется надеяться, нам еще предстоит познакомиться.

С детства этот набор фотографий был для меня загадкой. Большею частью чеховские портреты были из «серого» собрания сочинений 1960 года, выпущенного к столетию писателя. Двенадцать томов, на корешке вверху мхатовская чайка, в каждом томе по фото — как будто специально для того, чтобы увидеть, как не похож один портрет на другой. Я сравнивал их и удивлялся. Возможно ли, чтобы это был один человек? Нет, это совершенно невозможно. Затем добавились фотографии таганрогские и мелиховские, а также последних лет, где Чехов был в пенсне и казался очень пожилым. Тут в голове не укладывалось другое: неужели здесь ему сорок лет? Он умер в сорок четыре года.

Допустим, в последние годы его меняла болезнь. Но тогда до этого он менялся сам — как будто лепил себя из некоторого послушного материала, парафина или воска, или накладывал на себя маски, одна на другую не похожие.

Фотографии свидетельствуют: Чехов удивительно многообразен. Или тут не один, а несколько Чеховых.

Эту его многоликость можно трактовать как скрытый артистизм. Ему, драматургу и «человекоописателю», это было необходимо профессионально. Он писал быстро (иногда, в

первые годы, для «Осколков», по рассказу в день), но все же должен был хотя бы отчасти перевоплощаться в своего героя. Заговорить как он, сыграть в него – и так каждый день, и каждый раз в нового, чтобы в конце концов обрести вместо лица на все готовую маску. Примерно так.

Или так: его многоликости способствовали социальные метаморфозы. Из крестьянского крепостного состояния (дед Егор выкупил семью «из крепости» в 1860 году, в год рождения писателя — а родился он в январе, стало быть, хоть немного, хоть в колыбели, но побыл рабом) Чехову предстояло взойти через мещан в ваши благородия. В мелиховского помещика, в писателя, властителя дум. Сколько тут этажей? Сколько нужно было переменить на этой лестнице портретов, представлений о себе?

Есть фотография, сделанная через несколько часов после смерти Чехова в гостинице Баденвейлера. На ней крестьянин с грубым и плоским лицом, в котором никак не узнать интеллигентного писателя Чехова. Стало быть, его внешность в самом деле оформляла воля художника, налагающая невидимый чертеж на исходные черты и тем определяющая — буквально — самую его личность.

Тогда тем более интересно рассмотреть галерею чеховских портретов: в последовательности, осмысленной или невольной смене образов.

Чехов-гимназист (два фото вверху слева). На первом фото ему четырнадцать лет, на втором — девятнадцать. На втором фото видна ретушь. Выпускника гимназии приукрасили, подвели глаза и сделали шире рот.

Еще шаг вправо — и новое лицо, совершенно не похожее на предыдущее. Прошел всего год; за этот год Чехов перебрался из Таганрога в Москву. Получил первый гонорар. От этого он так пополнел, или так за ним просвечивает Москва? Кстати, третье фото чем-то напоминает первое. Здесь намечается — пока только в эскизе — некоторый пульс, перемена «четного» и «нечетного» Чехова: третий портрет похож на первый, четвертый — на второй.

Четвертый (вверху справа) — студент на пикнике, в шляпе. Новый тип. В его глазах интерес, и от этого как будто делается виден вектор, влекущий физиономию студента вовне, за собственные пределы.

(I). Вот он, первый Чехов из «серого» собрания сочинений, тот, что когда-то всерьез меня озадачил. 1863 год. Тут он как будто спит (впечатление субъективное, никому его не навязываю, смотрите сами; кстати, если бы вы не знали, что это Чехов, признали бы в этом юном дяде Антона Павловича?) Он поперек себя шире, весь точно из глины. Росту в нем 1 метр 86 сантиметров (поперек чуть меньше) — южанин, из крестьян, щекастый, большеликий: человек-степь. Первый Чехов учится на доктора, пишет «осколки», вкалывает как ломовая лошадь и все время мечтает как следует отоспаться. И неотрывно смотрит внутрь, вспоминает солнце и Таганрог.

(II). Феодосия, 1888 год. Совершенно другой, «четный» Чехов. Тут, правда, опять видна ретушь. Нарисовали богатыря из советского кино. К примеру, Садко или Афанасия Никитина, что-то в этом роде.

Чтобы понять, как разны эти «четный» и «нечетный», попробуйте несколько раз быстро перевести глаза с одного на другого. Герой не просто поворачивает голову — он словно вытягивает нос. Чехов весьма заинтересован — не тем, что у него внутри, а тем, что перед ним, что ждет его впереди.

Между первым и вторым Чеховым решительная разница. Это довольно точно отражает его писательский статус. Закончились «осколки», малые рассказы, теперь он собирает из них книги, ищет новое целое (то, что впереди его на шаг) — новое помещение для текста и самого себя.

В январе 1888 года Чехов написал «Степь», поворотное сочинение, после которого как будто поменялось пространство внутри и вне его. Солнце, что грело южанина Чехова первые холодные годы в Москве, словно выкатилось из груди. Писатель смотрит ему вслед, ему хочется путешествовать, открывать новые страны, как он открыл «Степь».

Из Феодосии (снялся на фото, вышел, закинул за спину дорожный мешок, примерно так) Чехов отправляется в Персию. До Персии не доедет, доберется до Баку и вернется с полдороги. Но заряд путевого пороха останется, далее Чехов будет только искать повода для большого странствия. Через два года он отправится на Сахалин.

Его кумир – Пржевальский. «Четный» Чехов – путешественник, искатель будущего времени.

На малом фото справа, в белой шляпе: Чехов возвращается с Сахалина – по волнам Индийского океана, с восточного края земли в Москву. И лицо его постепенно возвращается в «нечетное» состояние. Теперь эти щеки означают переполнение пройденным пространством. Лицо-глобус.

Шаг вниз: на следующем фото странник подпер щеку рукой. Вернулся. Это Чехов дома, на Кудринской. Путешествие окончено — и на глазах «четный» Чехов становится опять «нечетным»: ничто не тянет его за нос на ту сторону земли.

После кругосветного плавания он оседает в Мелихове.

(III). Чехов-помещик, «царь Фивейский». Он нечетным образом покоен, округл, не склонен к романтике, скорее, к иронии (самоиронии, меланхолии, наподобие Тригорина из «Чайки»). Ему надобно быть большим писателем, одновременно врачом, земским деятелем, переписчиком населения и борцом с холерою. От этого хочется спать круглосуточно и ежедневно.

Тот же закон — третий похож на первого, не столько внешне, сколько внутренне, этим желанием покоя, сосредоточенностью на том, что внутри него.

И вот четвертый. (IV).

Май 1897 года, кабинетная фотография. Чехов тот – и не тот. Опять перед ним нарисовался невидимый двойник и потянул за собой. Опять подвешено нечто впереди лица, во что Антон Павлович всматривается внимательно и неотрывно. Впереди новое пространство. Это несомненно четный Чехов. Тут необходимы пояснения.

Во-первых, Антон Павлович только что вышел из Остроумовской клиники, куда в феврале того же 1897 года слег с сильным легочным кровотечением. Проснулась чахотка, всерьез пахнуло смертью. Но вместе с тем, и это во-вторых, и это гораздо важнее: перед ним новая перспектива, новый, качественно иной проект. Теперь Чехов пишет пьесы – такие, каких никто до него не писал. Он путешествует с бумажного материка прозы в пространство иное: на сцену. В этом суть его перемещения, таков его новый поход — из мелиховской полумосковской полуусады к морю видимому (в Ялту) и невидимому (в проеме сцены). Впереди обнаружен и отчасти уже завоеван мир больший – театр.

Этот четвертый Чехов нравится мне больше остальных.

Он самому себе больше нравился таким – тот, что потом надел пенсне и уселся в кресле на фоне Художественного театра, Чехова не устраивал категорически. Об этом своем образе (последнем, пятом?) он отзывался так – «на этом портрете я точно выпил уксусу». Таким его выставил напоказ МХАТ, и все запомнили. Чехов от этого гневался и кашлял.

Он был тем, кем был изначально: 1 метр 86 сантиметров в высоту и ширину, второй Пржевальский, глиняный великан, ищущий свою землю, материк, равный ему по размеру, где ничто не мешало бы ему дышать полной грудью и удить по утрам рыбу.

Примерно так. Таков ритм перемен, угадываемый в метаморфозах его пластичной, послушной воле внешности. Чехов в покое и движении, «нечетный» и «четный», обнаруживающий попеременно фокус интереса в себе самом и вне себя. Так он оформлял себя сам, лепил свободно не из парафина и воска, но из другого материала, расположенного к переменам и движению. Движению из помещения уже освоенного – в следующее, только намеченное к покорению пространство.